

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

УДК 94(470.331)+929 Фрейденберг

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРЭНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ФРЕЙДЕНБЕРГЕ ¹

Ludwig Steindorff / Л. Штайндорф

Университет им. Христиана Альбрехта в Киле, г. Киль, Германия

9 июня 2014 г. исполняется 90 лет со дня рождения историка, профессора Марэна Михайловича Фрейденберга. В 1966 г. М. М. Фрейденберг начал преподавать на кафедре всеобщей истории Калининского педагогического института (с 1972 г. – госуниверситет), заняв вакантную должность после отъезда в Москву медиевиста А. Я. Гуревича (1924–2005). Именно в Калининском университете М. М. Фрейденберг приобрёл профессиональное признание, получив профессию и создав в 1978 г. кафедру истории древнего мира и средних веков². Блестящий оратор и талантливый педагог, он читал общие курсы по истории средних веков, истории южных и западных славян, подготовил несколько специальных курсов по проблемам балканской истории. Осознавая необходимость работы студентов на семинарских занятиях с документами, он убедил коллег-славистов из нескольких университетов СССР издать «Хрестоматию по истории южных и западных славян». Под его научным руководством в 1987 г. в Минске вышел первый том хрестоматии.

Научные интересы профессора М. М. Фрейденберга были широкими: социально-экономические проблемы средневековых городов, особенно г. Дубровника (Хорватия); культура средневековья; история еврейского народа на Балканах; история российского славяноведения; вопросы методики преподавания истории; творческое наследие тверских краеведов. М. М. Фрейденберг написал и издал более 300 научных работ, был редактором нескольких сборников по средневековой балканской истории, он – автор книг «Деревня и городская жизнь в Далмации» (Калинин, 1972); «Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский» (Калинин, 1988); «Дубровник и Османская империя» (М., 1984; 2-е издание: М., 1989); «Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944)» (Калинин, 1990); «Евреи на Балканах на исходе средневековья» (М.; Иерусалим, 1996); «Очерки истории балканского еврейства. Я – историк» (Тель-Авив, 1998); «Десять лет эмиграции в Израиле» (Тель-Авив, 2002).

М. М. Фрейденберг поддерживал научные контакты со многими коллегами-историками в России и за рубежом, о чём свидетельствует его обширный личный фонд в Государственном архиве Тверской области. Член редколлегии

¹ Перевод с немецкого: Евгения Титова, Киль.

² См. биографический очерк: *Воробьёва И. Г.* К 85-летию профессора Марэна Михайловича Фрейденберга [Электронный ресурс]: URL: <http://history.tversu.ru/index.php/kvhistory/89.html>

Вестника Тверского университета профессор университета им. Христиана Альбрехта в Киле (Германия) Людвиг Штайндорф, многие годы друживший с М. М. Фрейденбергом, написал воспоминания, которые мы и публикуем.

И. Г. Воробьева

* * *

Биография Марэна Михайловича Фрейденберга как историка и уважаемого коллеги, профессора Тверского государственного университета уже хорошо знакома многим читателям этого журнала. А статьи этого номера дадут возможность узнать о нем еще больше. Я также написал и опубликовал в ведущем немецком журнале по истории и культуре юго-восточной Европы некролог о его жизненном пути и научном труде¹. В этот раз я бы хотел просто немного рассказать о том, как я познакомился с Марэном Михайловичем Фрейденбергом, где мы с ним встречались и какой след он оставил в моей жизни.

Об историке Фрейденберге я узнал впервые, когда я работал над диссертацией о далматинских городах XII в. под руководством загребского медиевиста Нады Клаич, в 1978–1980 гг. Тогда я познакомился с некоторыми работами Марэна Михайловича в Национальной и университетской библиотеке Загреба. В своей диссертации, работа над которой была завершена в 1981 году, а ее публикация состоялась в 1984 году, я коснулся его рассуждений о далматинской коммуне.²

После защиты кандидатской диссертации в Хайдельберге в 1981 г. я работал научным сотрудником в Мюнстерском университете в отделе восточноевропейской истории под руководством профессора Франка Кэмпфера, который не только тесно дружил с тогдашним руководителем семинара византологии в Мюнстере Ядраном Ферлугой, но и сотрудничал с ним в профессиональном плане. Ядран Ферлуга, ученик русского эмигранта и профессора Белградского университета Георгия Острогорского, поддерживал через своих югославских коллег многочисленные контакты и с коллегами из тогдашнего Советского Союза. Когда он поведал Марэну Михайловичу Фрейденбергу о том, что знает в Мюнстере молодого историка, который также занимается далматинскими городами, то тот обратился ко мне через Ядрана Ферлугу с просьбой выслать ему один экземпляр диссертации.

К бандероли я приложил письмо, датированное 26 февраля 1985 г., и попросил подтвердить получение бандероли. Ответное

¹ Südost-Forschungen 65–66 (2006–2007), S. 509–510

² Ludwig Steindorff, Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert. Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen Entwicklung. Köln – Wien 1984, S. 161,

прим.. 50. – Повторный перечень моих аргументов см. Л. Штайндорф, Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог, отв. ред. М. М. Кром, Санкт-Петербург 2012, С. 228–241, здесь С. 236, прим. 20.

письмо было датировано 30 марта 1985 г.: «Только вчера, вернувшись из Москвы, я нашел у себя на письменном столе бандероль с книгой и сепаратом, в котором (не сразу!) обнаружил и Ваше любезное письмо. [...]» С тех пор между нами завязалась регулярная переписка. Письма, в том числе и копии моих собственных, тщательно сохранялись мною. Свои первые письма я писал ещё по-хорватски, Марэн Михайлович отвечал по-русски. Я был польщен рецензией на мою диссертацию, написанную Марэном Михайловичем совместно с А. В. Чернышевым и опубликованную к тому же в авторитетном журнале «Вопросы истории» (1986. № 8. С. 156–158). Мои же рецензии на две его публикации были, в свою очередь, опубликованы в двух престижных немецких специализированных журналах³.

Порою в наших письмах речь шла и о наших буднях в тогдашнем Калининe и в Мюнстере. Как-то я написал о том, какой большой популярностью пользуются в Мюнстере велосипеды. В письме от 7 июля 1986 г. Марэн Михайлович отреагировал следующим образом: « [...] Ваш слуга тоже ездит на велосипеде (так по-русски называется бицикл), только с другим эффектом. У нас такой способ передвижения принят гораздо меньше, чем в Мюнстере. И когда старый человек (62 года!),

³ Дубровник и Османская империя, Москва 1984 // *Südost-Forschungen* 44 (1985), S. 356-359; Хрестоматия по истории южных и западных славян. В трех томах. Том I. Эпоха феодализма, Минск 1987 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 36 (1988), S. 427–428.

да ещё профессор (которому полагается по критериям престижа ездить только на машине), катит по улицам на велосипеде, то студенты иногда лишаются сознания. Но это, между прочим, не останавливает старого профессора [...]»

Нас связывал интерес к истории далматинских городов, среди них прежде всего история Дубровника, а также восхищение государством Югославия. В письме от 15 декабря 1988 г. он с восторгом отзывался о путешествии по Югославии со своей женой: «[...] Программа включила в себя Македонию, Черногорию, Боку, Дубровник, Истрию, Загреб и снова – Белград. [...]» Но уже тогда, намного раньше, чем большинство его современников, он указал на начало государственно-политического кризиса: «Я полагаю, что Вы сами были этим летом в Югославии и знаете об обстановке в этой стране, поэтому мне уже нечего к этому добавить. Такого я себе не представлял, наука в жизни людей, естественно, отступает на задний план ... [...]» Но ни он, ни я не могли себе в 1988 году и представить, что это государство полностью распадется всего лишь 3 года спустя.

В том же письме от 15 декабря Марэн Михайлович сообщал, что, по всей вероятности, приедет летом 1989 г. в Федеративную Республику Германия по стипендии, предоставленной ему Германской службой академических обменов (ДААД). 22 декабря в Калинин пришло официальное приглашение от ДААД. После двух недель,

проведенных в Гамбурге, в середине июня 1989 года Марэн Михайлович приехал в Мюнстер и гостил у нас одну неделю. Разумеется, он встретился и с Франком Кэмпфером и с Ядром Ферлугой. Он познакомился с Герхартом Ресселем, профессором славянской филологии и с его женой, лектором сербского языка в Мюнстере. Помню, какое впечатление на него произвел в воскресенье звон многочисленных церковных колоколов в городе. В институте сравнительной городской истории при Мюнстерском университете он сделал доклад о Дубровнике. В один из дней мы поехали по его желанию в Оснабрюк, город, расположенный в 40 км к северо-востоку от Мюнстера. Мне этот город тоже еще не был знаком. Поэтому когда мы вышли из поезда, то встал вопрос, куда же нам пойти. Как помню, Марэн Михайлович сказал, что в старом, ему незнакомом городе он всегда идет в направлении ближайшей церковной башни. Так мы и сделали, а оттуда отправились осматривать остальную часть центра города.

Не помню, на каком языке мы тогда в Мюнстере общались. Порою, конечно же, на хорватском, поскольку это родной язык моей жены. Или же мы беседовали на русском, когда были одни? Как бы там ни было, с тех пор и я стал писать письма на русском, хотя и не владел им, конечно же, в совершенстве. С нашей встречи в Мюнстере в 1989 году мы стали называть друг друга по имени или же по имени и отчеству. И по сей

день мы с женой говорим не иначе как «Марэн Михайлович», когда вспоминаем его и его семью.

В последнем письме Марэна Михайловича от 1989 г. еще было написано «28.XII.89. Калинин». В новом же году: «21.I.90. Тверь!»

С середины августа до начала октября 1990 я, заручившись грантом, собирался посвятить себя исследовательской деятельности в архивах Москвы и Ленинграда, необходимой для написания докторской диссертации на тему «Memoria in Altrussland» (помянувшие усопших в Древней Руси). Узнав об этом Марэн Михайлович предложил мне приехать к нему в гости на десять дней перед началом архивной работы. Он встретил меня в Москве на Белорусском вокзале и тотчас упрекнул в том, что я не сообщил ему номер вагона, что заставило его уже беспокоиться обо мне. Это был первый урок для меня: в России встречающим сообщают и номер вагона, в Германии это не принято. Мы остановились у сына Марэна Михайловича, в северной части города. В течение трех дней Марэн Михайлович знакомил меня с самыми главными достопримечательностями Москвы. Мы побывали и в ресторане «Прага» на улице Арбат. Он объяснял мне искусствоведческие термины и учёные степени в Советском Союзе. Но прежде всего он познакомил меня с Московским метро: на какой станции нужно выйти, чтобы добраться до какого архива и до какой библиотеки?

Потом мы отправились на электричке в Тверь. Вокзал носил тогда ещё советское название –

Калинин. Помню наши прогулки вдоль реки Волга. Было ещё достаточно тепло, так что можно было купаться в Волге, хотя Ильин день уже и прошёл, как отмечал Марэн Михайлович. Мы посетили Тверской краеведческий музей. Марэн Михайлович рассказал мне о своей работе для организации «Мемориал» и о своём участии в открытии массовых захоронений в Медном.

Пока я был в гостях – сначала у сына Марэна Михайловича, а потом и у него самого и его так сердечной жены Лидии Аркадьевны Котлярской, – кризис продовольственного снабжения 1990 г. остался мною почти незамеченным. В полную меру я ощутил его на себе во время моего последующего пребывания в Москве, и, ещё сильнее, в Ленинграде, когда в ресторанах академической гостиницы не было практически никакой еды.

В один из дней мы совершили автобусную экскурсию в Торжок. С нами был и Джеймс Бил, один американский студент, с которым мы впоследствии ещё встречались на нескольких конгрессах в США. Мы посетили Борисоглебский монастырь. Он больше не использовался в качестве тюрьмы, но, как мне показалось, находился всё ещё в плачевном состоянии. Марэн Михайлович был, напротив, в восторге от того, как всё уже было приведено в порядок... Если бы он видел, как восстановился православный сакральный ландшафт в России за прошедшие 25 лет! После обеда мы собирались посетить этнографический музей.

Но вдруг, откуда ни возьмись, появилось много людей с корзинами и сумками, наполненными бутылками пива! Оказалось, что спустя долгое время в Торжок опять привезли пиво! И тут Марэн Михайлович сказал, а не лучше ли будет, если мы воспользуемся единственной в своём роде возможностью, которая вряд ли ещё раз предоставится в ближайшем будущем – это ведь было в 1990 году! – и мы отправились в ресторан, в котором тоже продавалось пиво.

В 1990 г. мы побывали и в Старице. Помню, какой был вид с моста на уже тогда производивший впечатление монастырский комплекс. Но его нельзя было сравнить с тем великолепием, которое предстало перед моими глазами в 2010 году, когда Ирина Воробьёва с мужем и сыном привели меня туда.

Запомнился мне и тот вечер, когда Лидия Аркадьевна приготовила праздничный ужин, на который были приглашены и Ирина Воробьёва с мужем. Тот ли это был вечер, когда Марэн Михайлович сказал нам по большому секрету, что он и его жена, а также их сын с семьёй решили подать заявление на выезд в Израиль?

Только я вернулся из Советского Союза в Германию, в Мюнстер, как Марэн Михайлович приехал во второй раз в Германию, на сей раз вместе с Лидией Аркадьевной. Несколько дней они провели в доме моей матери в Гамбурге. Моя мать по сей день охотно вспоминает беседы с ними и то, как хорошо у них получалось

осматривать город без посторонней помощи. В то время как они гостили у нас в Мюнстере, приехали ещё и родственники Лидии Аркадьевны из Парижа.

В письме от 20 октября 1990 г. Марэн Михайлович вспоминал сначала «германскую поездку», потом же он писал: «В магазинах стало совсем-совсем пусто – ужасно. Продаются только галоши (!). Каш никаких нет – есть только книга о кашах, и Лида её посылает Ренате», жене автора этих строк.

А в письме от 22 февраля 1991 г. Марэн Михайлович сообщал: «[...] А теперь – два слова о наших делах. – Наша квартира почти пуста: Книги и множество вещей снято со своих мест или готово к отсылке или (как книги) отосланы в Израиль. Грустное дело, Людвиг, расставаться с накопленным в течение всей жизни. Пусть на время, но расставаться. Сколько мелких, но нужных или приятных бумаг, фотографий, вырезок и прочего пришлось выбросить. Хорошо ещё, что местный архив (он считается лучшим в России) взялся принять мои дела и создать особый «Фонд М. Фрейденберга». В него сдано уже более 150 папок (единиц хранения, «дел», по-нашему) – хоть что-то останется. [...] Выезд через Будапешт планируется на середину апреля». На обратной стороне письма – адрес в Израиле на первое время.

Наша регулярная переписка не прервалась в последующие годы. Мне также известно, что для него было большой радостью

сохранить контакт со своими коллегами и учениками в России.

О своей жизни в Израиле Марэн Михайлович рассказывал сравнительно мало. Во второй половине 1991 г. война в Хорватии являлась для нас постоянным предметом обсуждения. То и дело мы получали фотокопии статей о событиях на территории бывшей Югославии, которые Марэн Михайлович опубликовывал в русскоязычных газетах и журналах в Израиле. В то время он принадлежал к немногим в Израиле, которые считали, что эскалация военного конфликта исходила от сербской стороны.

С большой радостью Марэн Михайлович сообщал о своём новом поле деятельности в науке. Им стала история евреев на Балканах на исходе Средневековья. Он сам послал мне два экземпляра книги на эту тему с посвящением – один экземпляр русского издания от 1996 г., другой английского от 1999 г. То, что в 2000 г. в Загребе книга вышла и в хорватском переводе, я узнал в том же году во время путешествия в Хорватию. Я увидел книгу в витрине одного книжного магазина и тотчас купил её.

И, наконец, я посетил Марэна Михайловича и Лидию Аркадьевну в Израиле в 1995 г. вместе со своим более молодым коллегой из Мюнстера Ульрихом Ланг. Поскольку их квартира в Тель-Авиве была очень скромной, по сравнению с квартирой в Твери, мы остановились не у них, а у одного их друга, Бориса Орлова, эмигрировавшего в Израиль уже в 1970-х гг. и работавшего в Тель-

Авивском университете. Мы провели вместе много часов. Йоэль Раба, известный во всем мире специалист по древнерусской истории в Тель-Авивском университете и уже давно знакомый с Марэном Михайловичем, пригласил его и нас с коллегой на экскурсию в пустыню Неgev. Марэн Михайлович остался верен себе и по-прежнему с восторгом выступал в роли учителя – он тщательно следил за тем, чтобы мы с коллегой как можно больше узнали о стране и её жителях.

Однажды мы с коллегой рассказали о том, что во время долгих прогулок по Тель-Авиву совсем не пользовались автобусом. Как он нас хвалил: «Город надо обходить!» Эти слова я сейчас часто говорю на немецком своим студентам, когда у них от продолжительной ходьбы во время дневной экскурсии по Любеку устают ноги.

После 2000 г., когда мы уже переехали из Мюнстера в Киль, письма Марэна Михайловича стали короче, их стало труднее читать, а потом они и совсем перестали приходить. От Лидии Аркадьевны мы еще узнали о награждении Марэна Михайловича в 2005 г.

польским Орденом за помощь в расследовании дела об убийстве польских офицеров Народным комиссариатом внутренних дел в 1940 году. А в 2007 г. Лидия Аркадьевна позвонила и сообщила, что Марэн Михайлович ушел из жизни 27 сентября этого года. Каким утешением для неё должно быть стали некрологи из Твери с выражением глубокого уважения к нему и с признанием его заслуг!

Как в моей жизни, так и в жизни моей жены воспоминания о долгих годах переписки с Марэном Михайловичем и о встречах с ним и его женой занимают важное место. Но прежде всего я благодарен Марэну Михайловичу за то, как он во время моего первого визита в Россию в 1991 году, словно мой «чичероне», всячески помогал мне освоиться в стране и познакомиться с особенностями ее повседневной жизни. Без него я, возможно, никогда бы не побывал в Твери и впоследствии не сделал бы доклад о типологии городов в Хорватии в сентябре 2010 года по приглашению его преемницы на историческом факультете Тверского государственного университета Ирины Воробьёвой.

**MEINE ERINNERUNGEN AN MAREN MICHALOWITSCH FREU-
DENBERG**

Ludwig Steindorff

Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Historisches Seminar

Об авторе:

Людвиг Штайндорф – профессор, руководитель кафедры Восточной и Югославской Европы, Институт истории, Университет им. Христиана Альбрехта в Киле

About the authors:

Prof. Dr. Ludwig Steindorff – Professur für Geschichte Ost- und Südosteuropas, Historisches Seminar, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel

Статья поступила в редакцию 19.05.2013